



## Пролог

**Е**сли посреди ночи твой амулет связи начинает разговаривать голосом командира спецназовцев — жди беды. Как минимум крайне хлопотного денька. Хуже может быть только гребаный канцлер Дорих, которого никто не придушил лишь потому, что у этого изворотливого гаденыша на каждом шагу имеются глаза и уши.

Вилмар Фалько, он же придворный менталист по прозвищу Шелкопряд, обо всем этом знал не понаслышке: вместо того, чтобы мирно спать в постели в обнимку с женой, он спешно влезал в любимые растоптанные сапоги и напяливал расшитую, мать ее, мантию из тех, за моду на которые пора бы придушить великосветского козла Альфарда Эйнтхартена.

— Уилл, ты же ло-орд! — ядовито протянул Вилмар, передразнивая любимого собутыльника лорда-канцлера. — Я уже почти сто лет лорд, хочу махровый халат и на пенсию, а не вот это все.

— Уилл, что такое? — сонно пробормотала Рангрид, нехотя отрывая голову от подушки. Фалько замер, разглядывая жену — все такая же красивая, как

и в их первую встречу, что случилась добрых полвека назад.

— Работа, милая. Сама знаешь: чтобы где-то заварушка, да вдруг без нас.

Непослушные мелкие пуговицы ни в какую не хотели пролезать в петли, заставляя степенного лорда на все лады клясть выживших из ума швей вместе с их вдохновителями. Рангрид, глядя на эту неравную борьбу, рассмеялась и поднялась с постели. Глядя на нее, обнаженную, тонкую, с распущенными по плечам черными волосами, Вилмару мигом расхотелось куда-то идти. Как будто посреди ночи не найдется занятий поинтереснее, чем мелкий пакостник Дориан Тангрим и его «неведомая херотень». Конец цитаты, и видимо, начало очередной развеселой ночи.

— Если зовут тебя, а не меня, то заварушка так себе. — Одну за другой Рангрид ловко застегнула все пуговицы, заботливо поправила воротник и провела ладонями по плечам. — Прекрасен, как рассвет. Хоть завтра в канцлеры!

От подобной перспективы Фалько содрогнулся.

— Милая, за что ты со мной так жестока?

— Ладно, иди уже, — смилостивилась дражайшая супруга, — а то я ведь сейчас вспомню, за что и почему. А я досыпать пошла, мне нужно быть в хорошей форме — завтра учения. Буду воспитывать криворуких разгильдяев, которых зачем-то понесло в армию.

Вилмар усмехнулся. Эрмегарские женщины — страшные существа, даже если они родом из Грен-

вуда, как его жена. Он, член Темного круга и лучший менталист Империи, ни за что не хотел бы завтра оказаться на месте тех, кто рискнет вызвать недовольство у генерала Фалько.

— Если не вернусь — ищи мой труп в Заозерье.

— Вот еще, — Рангрид насмешливо фыркнула, набрасывая на плечи шелковый халат. — Лучше я найду Тангрима и сдам его Киаре на опыты. За то, что лишил меня любимого мужа и оставил безутешной вдовой с четырьмя детьми. Хотя оставшееся после тебя наследство немного примирит меня с трагедией.

— Ты неисправима. — Вилмар все же не удержался и поцеловал жену, сжав ее в объятиях.

И в тот же момент на столе снова завибрировал амулет связи.

— Этот Тангрим — невыносимый маленький поганец, — сердито пробурчала Рангрид, выскальзывая из его рук. — Не семейка, а сплошные паникеры. Старший хотя бы из-за денег трясется, младший — из-за всякой фигни.

Но младший Тангрим паниковал не зря. Это Вилмар почувствовал, едва выйдя из светящейся арки гарнизонного портала — по позвоночнику будто полоснули наждаком, заставляя вздрогнуть и передернуть плечами. Стоило бы поблагодарить собственные крепкие мозги и дар менталиста, без которых его настигла бы безобразная истерика.

Как чувствовал себя Тангрим, нервно расхаживающий вдоль высоких ворот, Вилмар даже не пред-

ставлял. Если уж у вечно улыбающегося болтуна Дориана сдали нервы, то дело совсем дрянь. Далеко ходить не нужно — судя по залитой кровью бульжной мостовой, ничего хорошего не случилось.

— Уилл, ну наконец-то! — театрально всплеснув руками, Тангрим приблизился к нему. — Еще пять минут, и я бы пошел за тобой сам.

— Уверен, что хотел бы встретиться с моей женой? — хмыкнул он, припомнив богатый лексикон Рангрид и ее умение одним взглядом опускать собеседника ниже самой Бездны. Воистину, роскошная женщина.

— Я бы согласился даже на Элриссу. — Дориан скривился и нервно передернул плечами. — От нашей мертвой красотки хотя бы не спекались мозги.

— У Блэр спеклись. Ненадолго, — возразил Вилмар, но под непривычно тяжелым взглядом Тангрима осекся.

— То одна Блэр, а у меня тут двенадцать, мать их, трупов и взвод спецназовцев, готовых прибить гребаного ублюдка. Делай что хочешь, Уилл, но пусть оно уже утихомирится!

Не дожидаясь ответа, Дориан нагло схватил его за рукав и потащил в бастион — старое, удивительно крепкое здание, чьи стены выдержали осаду гренвудских полчищ, когда Империя была еще слаба и на целую дивизию имела всего-то двоих-троих магов.

Чужая магия давила, вгрызалась в нервы, заставляла передергивать плечами и оглядываться по сторонам. С трудом верилось, что все это — дело рук,

а точнее, силы лишь одного человека. Вилмар мог припомнить всего нескольких магов, способных на подобное, но все они были опытными архимагами. Как он успел понять из сбивчивой речи Дориана, виновником торжества был один пацан — дикий, в драном тряпье, вылезший то ли из леса, то ли еще из какого захолустья.

— Только представь, Уилл!.. Чтоб спецназ — и у всех мозги вдребезги! Я уже трех своих парней с крыши снимал! Деревенские в истерике, а ему хоть бы хны. Едва успели в подвале запереть. Я уж начал думать, что зря тебя позвал; надо было эту мразину сразу кончать, пока не очухался..

С каждым шагом Тангрим распался все больше, Вилмар почти слышал треск амулетов, благодаря которым тот еще не отправился на упомянутую крышу. Ему самому было не по себе, что уж говорить о светлом боевике, не приученном к подобному воздействию.

— Разберемся, — отрезал Фалько, уверенно толкая дверь в подвал. — Дальше не ходи.

На колченогом стуле, дергая зубами веревку, связывающую руки, сидел парень. Совсем молодой, со спутанными светлыми волосами, покрытыми пылью и сажей, и абсолютно черными глазами. Едва поняв, что находится в помещении не один, он резко вскинулся и окатил Вилмара волной своей силы — темной, продирающей до костей, наполненной злостью и жадой смерти.

«Берсерк».

Берсерками называют обезумевших магов, находящихся во власти собственной свихнувшейся силы.

Причины безумия различны: сильный стресс, слабая психика, неспособность контролировать дар... А вот заканчивалось обычно все одинаково — горой трупов. Говорить с берсерком бесполезно, равно как угрожать или запугивать. Зачастую таких просто выбивают архимаги или отряд спецназовцев.

— Почему ты оставил его в живых? — с любопытством уточнил Вилмар, повернувшись к Тангриму. Тот озадаченно поскреб кучерявую макушку.

— Так на нем же ни одной руны нет, — пробормотал он. — Не умеет, значит, силу контролировать. Разве ж я прикажу необученного сопляка убивать? Ну, он великоват для подростка, но... Короче, ты понял.

«Добрый ты парень, — хмыкнул Вилмар про себя. — Из-за этого и подохнешь раньше срока, видят боги».

Он снова взглянул на чумазого оборванца, злобно зыркающего исподлобья и всю фونهاющую темной силой. Рун и в самом деле не видно — ни на кистях, ни на предплечьях, ни в вороте изрядно потрепанной рубахи. Что весьма странно: мальчишке, судя по всему, уже за двадцать. Хорошо так за двадцать.

— Я понял. Ты молодец, Дориан, шустро соображаешь. Теперь отойди подальше, а я попробую привести пацана в чувство.

В который раз возблагодарив богов за крепкие мозги, он шагнул вперед. Привести берсерка в чувство невероятно сложно, особенно если ты — чужак, которого он видит (и видит ли?) впервые в жизни. Еще сложнее сдержаться самому и не обрушиться на того, кто пытается тебя убить, всей мощью. Фаль-

ко медленно потянулся сквозь агрессивную магию к сознанию, в котором, как он надеялся, еще можно нащупать что-то здоровое. Если только удастся пробиться сквозь щиты, которые у любого мага-менталиста обязаны быть едва ли не с рождения...

У любого, но только не у этого мальчишки. Отправить на тот свет дюжину далеко не слабых боевых магов, затем на протяжении как минимум часа фонить собственной силой и до сих пор оставаться на ногах — высший пилотаж. Однако, будучи сильнейшим магом, он не обладает даже подобием блока. Неудивительно, что с головой у него не все в порядке — ежеминутно слышать сотни голосов, улавливать чужие эмоции и оставаться при этом в здравом рассудке совершенно невозможно.

Сквозь мешанину из ярости и ненависти отчетливо пробивались отчаяние и страх. Фалько облегченно выдохнул — мальчишка не безнадёжен, раз пытается выкарабкаться из цепких лап своего бешеного дара. Медленно опутывая его паутиной из собственной силы, лишенной всяких эмоций, он продолжал приближаться. С каждым его шагом волны чужой магии становились слабее, а когда между ними осталась всего пара шагов, и вовсе стихли. Уилл вовсе не мнил себя героем — мальчишка почти все сделал сам, просто прислушавшись к уговорам и поддавшись чужому спокойствию. Чего это ему стоило, он мог только догадываться по тяжелому дыханию, дрожащим рукам и идущей носом крови.

— Вот так, — похвалил Фалько, утерев со лба выступивший пот.



Силен, боги, как же силен! Последним менталистом с таким уровнем силы был безвременно почивший лорд-канцлер Эдриан Лейернхарт, без которого в Империи наступил бардак. Определенно, этого вундеркинда нужно приводить в порядок и приставлять к делу.

«Боги и богини, неужели я получил шанс свалить на пенсию?» — восхитился Вилмар. И чуть было не упустил момент, когда парень окончательно пришел в себя.

Если так можно было назвать его дикий взгляд, направленный на собственные дрожащие ладони, содранные, покрытые грязью и запекшейся кровью.

Чужая магия отступила окончательно — немалый резерв был начисто опустошен. Уилл едва успел приобнять мальчишку за плечи и не дать тому свалиться на холодный каменный пол.

— Тихо, тихо, — все так же мягко проговорил он, успокаивающе глядя парня по спутанным волосам. В ладонь впились было чужие пальцы, но не смогли удержать, рука бессильно вытянулась вдоль тела. — Все хорошо, ты молодец. Мы поможем тебе. А пока спи, — Вилмар задержал ладонь на его лбу, направляя поток силы в чужое сознание, навевая сон.

— Что дальше, Уилл? — раздался за спиной голос Тангрима.

Дальше он с удовольствием бы узнал, откуда взялся этот мальчишка, а потом нашел бы того, кто покалечил его, начисто снеся блок, и лично подвесил бы за яйца прямо на центральной площади. А что, статуя короля Люциана и не такое переживала, вспомнить хоть чокнутую Элриссу и легион нежити.

Жестоко, но и Фалько не светлый маг, чтобы жалеть всяких ублюдков, ломающих детей.

Увы, чтобы расправиться с мерзавцем, нужно сначала привести парня в относительный порядок и хорошенько расспросить. И — Вилмар тяжело вздохнул, оглянувшись на все еще фонящего нервозностью Дориана — подправить мозги всем, кто сейчас в гарнизоне. Пока кто-нибудь и впрямь не сиганул с крыши.

— Дальше вы ждете менталистов и пытаетесь не убиться до их прибытия. А пацана я забираю в Иленгард.

## Глава 1

— Мне очень жаль, Симус. — Мэйр горестно вздохнула и погладила шершавую кору тысячелетнего дуба. — Ой, нет, не жаль. Я же просила, предупредила... Ну, теперь уж не обессудь. Не могу же я отобрать у моей бедняжки еду прямо из... *корней?*

Неметон послал своей хранительнице волну приязни, а здоровенный белобрысый детина, опутанный живыми корнями, будто сетью, забился в плену и разразился отборным матом. Мэйр покорно выслушала все оскорбления (к слову, не очень-то оригинальные), оперлась спиной о мощный ствол дерева и сонно прикрыла глаза. Энергия зачарованного леса заструилась по телу, разгоняя дремоту и кровь в жилах — Неметон делился силой, словно прося прощения за раннюю побудку. Когда печально известный синтарийский браконьер Симус Хэнлон заплутал в дебрях зачарованного леса, едва минуло пять утра, так что Мэйр пришлось выползти из теплой постели и спешно одеться, чтобы пойти проверить, кому там жить надоело.

Сколько Мэйр себя помнила, ее влекло к Неметону, как нежить к свежему мясу. Священное дерево

фейри, возвращенное на жертвенной крови и ныне грешащее людоедством, манило ее в свои смертоносные объятия, однако даже не думало вредить.

Не каждый взрослый отважился бы сунуться в зачарованный лес, но Мэйр, еще будучи мелкой девочкой — шуплой, странной и очень одинокой, — шастила сюда, как к себе домой. Сколько родители ни бранились, сколько ни наказывали, лишая прогулок и сладкого (изверги!), она все равно возвращалась сюда, в лесную чащу, к своим друзьям. Здесь ее ждали трещащие без умолку малыши-пикси с блестящими стрекозиными крылышками; мощные трехрогие лошади, чьи пасти полны острых зубов, а копыта ступают по воде так же легко, как по лесным тропинкам; изредка встречались премилые говорящие зверушки — лиса, рыжая, как пламя, и огромная хищная птица, и величественный олень с ветвистыми рогами... Но то были лишь гости, вечные путники, а постоянным ее приятелем был — и остается по сей день — ехидный черный кот. То есть, конечно же, *кайт-ши*, который велел звать его Лиром и не мог даже дня прожить, не сказав какунибудь гадость.

Что ж, следовало признать, Лир горазд не только на гадости. Однажды он вывел Мэйр на опушку леса, где за низеньким каменным забором одиноко ютился небольшой двухэтажный особняк, сложенный из гладкого серого камня. Мэйр зачарованно глазела на стены, полускрытые под красно-зеленым ковром девичьего винограда; на роскошное эркерное окно, стекла которого потускнели, собрав вековой слой

пыли; на графитового цвета черепицу, что сияла на солнце, омытая утренним ливнем...

«Неметон *избрал* тебя, — сказал Лир. — А значит, когда-нибудь все это будет твоим».

Кайт-ши оказался прав: все это стало принадлежать ей. И сказочный особняк с эркером, и сад с колодцем у орешника, и весь огромный лес, порожденный магией Неметона...

И сам Неметон, простирающий свои корни на много, много миль вокруг.

А еще поганый браконьер, который устал сквернословить и теперь злобно выл от бессилия.

Мэйр неохотно открыла глаза и глянула себе под ноги. Широколицая физиономия Симуса, обрамленная белесой клочковатой бородой, покраснела как бурак — то ли от злости, то ли оттого, что один из живых корней оплел его бычьей шеей и теперь душил — легонько, время от времени давая продышаться.

Неметон любит поиграть с едой. И совсем не любит браконьеров.

— За что?.. — с усилием прохрипел Симус, трепыхаясь в объятиях Неметона, как муха в паутине. — За что ты меня так?..

Мэйр лишь развела руками и виновато улыбнулась.

— Не я. Неметон. Ты, помнится, заржал мне в лицо да велел не рассказывать сказочки? Вот тебе моя сказочка, Симус, безмозглый ты ублюдок.

— Я... я всего-то...

— Всего-то решил пристрелить реликтового меднорогого оленя. — Носком растоптанной домашней

туфельки она брезгливо пихнула тяжелый двухзарядный арбалет, что валялся тут же, потерянный в неравном бою с оголодавшим тысячелетним деревцем. — За рога и шкуру на черном рынке можно получить в десятки раз больше, чем за все твои зловонные потроха, верно я говорю? — Не дождавшись ответа, Мэйр неспешно продолжила: — Я тоже ценю оленя в десятки раз дороже, чем тебя. Ты мне вообще-то никогда не нравился, да и с чего бы? Ты разбил мне нос игрушечной лошадкой, а такое, знаешь ли, не забывается!

Им тогда было лет по пять, кажется. Они ходили в один детский сад — и терпеть друг друга не могли. А потом пошли в школу — и все еще были друг от друга не в восторге. А потом за Мэйраэн пришли маги и забрали ее в столицу, в Академию — что, естественно, не прибавило Симусу добрых чувств. Он вообще был злобным мальчишкой, который предсказуемо вырос в мерзкого, грубого, горластого мужика, разоряющего леса и поколачивающего свою вечно пузатую жену..

...но как же Дакей одна, с двумя годовалыми девочками и еще одним орущим свертком на подходе?

«Вечно ты со своим слюнтяйством... Лучше пусть одна, чем с этой мразью», — решительно возразила Мэйр сама себе, стараясь заглушить робкий голос вины.

Хотя в чем тут ее вина? Она ведь предупреждала — нечего соваться к Неметону с нечистыми помыслами.

Симус не поверил — Симус сунулся — Симус мертв.

«После его смерти государство позаботится о Дакей и детях... Я сама прослежу, чтобы они были в порядке. А по этому уроду точно никто скучать не будет».

— П-по... пожалуйста...

Похоже, из браконьера вышла вся лихость и наглость — и почти вышел дух. Раньше он, помнится, никого и никогда не просил. Мэйр презрительно фыркнула, пожала плечами — «Надо было меня слушать!» — и, в последний раз любовно огладив кору дуба, зашагала в глубь леса. Чутье безошибочно вело ее к дому с графитовой черепицей, а внутри пульсировала энергия Неметона — благодарность и негласная плата за полученную жертву.

Могла ли Мэйр спасти Симуса? Да, могла. Но если Неметона не кормить мерзавцами, он начнет жрать кого попало. Что тут поделывать? Невозможно уничтожить тысячелетнее дерево, под завязку наполненное магией, корнями разросшееся на сотни миль вокруг. Да и зачем уничтожать? Пользы от него куда больше, чем вреда: в зачарованном лесу не случается пожаров, деревья не вымерзают, всегда в изобилии водится дичь и рыба... иными словами, лес полон жизни. И питается всякими уродцами с полного попустительства архимагов Круга — те весьма заинтересованы как в налаженном лесном хозяйстве, так и в эндемиках, что произрастают в Западном пределе, ведь жутковатый плотоядный лесок изобилует множеством редких растений, птиц и зверей.

В общем, хрен с этим ублюдком Хэнлоном. Пусть кормит цветочки, а его убитой горем (вовсе нет) семье тем временем назначат щедрое содержание. Уж Мэйр проследит, чтобы назначили.

\* \* \*

Мэйраэн Макинтайр уродилась темной магиней — обычное дело, если неблагая мама-фейри нагуляла тебя от демона рогатого.

Ну, чуток неправильной темной магиней: мало того, что надзиратель при плотоядном дереве, так еще и целительница. Не то чтобы она стала первым темным целителем в истории Эрмегара, однако это все еще считалось чем-то вроде аномалии. Черный маг по определению не может исцелять, сама его суть — разрушение; однако поди ж ты. Впрочем, Мэйр и по натуре ни вспыльчива, ни агрессивна. «Зануда и мямля» — так ее зовет старшая сестричка Дейдра. Видят боги, такова Мэйр и есть. Полная противоположность сестре.

И никто бы в здравом уме не подумал, что они с шумной, веселой, свирепой Дейдрой могут состоять в каком-либо родстве. Общего между ними — фамилия да рост под шесть футов. В остальном же... Вот она Дейдра — фигуристая, статная, с роскошной гривой огненно-рыжих волос, с румяным хорошеньким лицом, ясными глазами и заразной улыбкой. И тут ее якобы сестричка — худенькая, щупленькая брюнетка, остролицая и до неприличия смуглая, с хищно горящими раскосыми глазами и чересчур пухлым ртом.

Несуразная. Странная. Чуждая.

Полукровка.

Подменьш.

«Уродина», — эхом раздался в ушах голос матери... нет, той женщины, что родила и бросила. Младенец не мог помнить ее жестокой насмешки, но Неме-



тон помнил. Одни напасти от этого противного дерева...

Не то чтобы Мэйр на самом деле считала себя уродиной. Самооценка изрядно поднимается, когда с самой Академии за тобой вечно волочатся парни, а порой и вовсе девчонки. Однако собственное отражение — черное как головешка, с яркими злыми глазами лесного хищника, *странное*, — то и дело напоминало, что родная мать ее не захотела, оставила умирать; что чужая женщина взяла маленького нелюдя к себе в дом, полюбила как своего; что как бы ее ни обожало все шумное рыжеволосое семейство Макинтайр, подменышу все равно не стать человеком.

Никогда не стать. Что бы ты ни сделала. Как бы ни старалась.

Пока Мэйр возилась с ранним завтраком для Неметона и брела обратно к дому, изредка теряя туфли, утро наступило во всей его сомнительной красе. Как и полагалось истинной темной, она терпеть не могла утро. Впрочем, как и праздную дремоту до обеда. К десяти-одиннадцати часам шило в заднице побеждало совиную натуру, подкидывало с постели неправильную черную магиню, закутывало в нарядную магистерскую мантию цвета неспелого лимона и несло навстречу приключениям.

Ну да какие там приключения у целителя? Амбулаторный прием она вела два дня в неделю, раз в месяц выходила на дежурство в дополнительную смену; еще два дня выделялись для частных посещений. В эти два дня Мэйр обычно навещала нестабильных детишек в Академии — которые, несо-

мненно, нуждались в ее помощи, — и гоняла чай в апартаментах у беременных магинь, большинству из которых ничуть не требовалось наблюдение узкого специалиста.

Настолько узкого, что по сей день никто не знает, как классифицировать сие безобразие — то ли целитель, то ли псионик, то ли мозгоправ, то ли все вместе. Мэйр успешно исцеляла телесные недуги, но почет и уважение в свои юные годы приобрела за чудеса иного толка. Те, что касались свернутых набекрень мозгов. В частности, именно благодаря ей появились новые методы борьбы с тяжелыми болезнями разума, а нестабильность магической силы теперь и вовсе классифицировалась как нервное расстройство — которое Мэйр успешно лечила, попутно обучая своим приемам других одаренных целителей.

Что касается беременных... Несомненно, у магинь при беременности нередко возникают проблемы с волшбой. Только вот из тех дам, что к ней обращались, в ее наблюдении нуждались... ну, разве что каждая третья. Сейчас Мэйр вела три беременности, и сложная ситуация была лишь у молодой супруги командера Ларссона. Двум другим вполне хватило бы простого целителя-акушера. Видят боги, сама она на это гордое звание не претендует. Однако Мэйр в принципе нелегко давались отказы... а уж как отказать дамам вроде леди Эйнтхартен и императрицы Корнелии? Да и зачем? Золота их высокопоставленные мужья отваливают прилично, а Мэйр всегда была чуточку *слишком* практична, нежели требовалось для легкой и беззаботной жизни.

Сегодня Мэйр не отказалась бы урвать немного той легкой-беззаботной — выходной как-никак. Вернувшись домой и явственно ощущая избыток энергии, она добрых полтора часа кромсала свеженький тренировочный столб, что стоял на заднем дворе, между яблоней и грушевым деревом. Столбы приходилось менять не реже раза в месяц. Пусть в боевой магии аномальный целитель Макинтайр абсолютная бездарность, от фейри ей досталась весьма специфическая особенность... от которой она бы с радостью отказалась. Живая сталь, *те'астариарэ*, давала недюжинную физическую силу, однако взамен требовала крови и смертей. А убивать Мэйр не любила, неправильная темная, да-да. Благо, энергия Неметона оказалась неплохой заменой кровопусканию.

«Деревце мое прожорливое, мы с тобой прямо созданы друг для друга, — криво усмехнулась Мэйр в который раз. — Хоть выкорчевывай тебя и тащи в храм, жениться».

Вяло отмахнувшись от парочки назойливых пикси, она поплелась на кухню, чтобы разогреть остатки вчерашнего ужина. В кои-то веки было для кого готовить — к ней должна была заглянуть Дейдра, а с ней, конечно же, Алан. Это всегда немного странно — когда твоя сестра и твой лучший друг становятся сладкой парочкой. Следом, естественно, приволокся Френсис; они с Мэйр давно уже не парочка, однако пожрать у нее дома тот по-прежнему любил.

«Давай-давай, сообрази что-нибудь! — вечно приговаривала эта наглая некромантская рожа, плюхнувшись во главе стола. — Заодно и сама спасешься

от голодной смерти. А то знаю я тебя: вечно одни сладости трескаешь!»

— А вот и нет, — пробурчала Мэйр себе под нос, любовно расставляя на столе вазочки с шоколадными конфетами, миндальным печеньем и мятной пастилой. Не забыла она и выставить на подоконник блюдце с мелко нарезанными сладостями, на которое, как голуби на пригоршню пшена, тут же слетелись радостно галдящие пикси. — Что бы он вообще понимал, да?

Со стороны окна вразной загомонили два писклявых голоса, но то не было ответом на ее вопрос. Просто парочка пикси сражалась за половину печеньюшки не на жизнь, а на смерть, хотя этого добра на блюдце еще вдосталь. Крохотные, ростом не больше ладони, остролицые зеленые человечки порхали в воздухе и лупили друг друга куда придется, при этом не замолкая ни на секунду. Мэйр их тарабарщины не разбирала — гости из-под верескового холма общались на неведомом ей языке, — однако готова была побиться об заклад, что эти мелкие вредители знают толк в матерщине. Ей пикси никогда не вредили, даже наоборот — приглядывали за домом, когда приходилось оставаться в столице на несколько дней, охраняли сад от всякой гнуси... В общем, Мэйр отлично ладила с нечистью. Как и положено подменьшу.

«Подарок, блин, из-под холма, — она вздохнула и небрежным жестом подозвала чайничек с мятным чаем, — бедовая твоя лопаухая башка, всем богам и богиням молись, чтобы твой законный выходной не полетел в Бездну!»

Мэйр честно помолилась всем и сразу.

Не сработало.

«Жду тебя после полудня», — гласило полученное ментальное сообщение.

«Чтоб тебя Бездна пожрала, бессовестный ты человечешка», — так и хотелось отправить в ответ.

Увы, Макинтайр — это вам не Блэр; ей, в отличие от одиозной землячки-некромантки, не хватало наглости, чтобы крыть самого канцлера Эрмегарской Империи. Не то воспитание.

— Ну и чего ему опять от меня надо? — меланхолично осведомилась она, катая по столу амулет ментальной связи — большой лиловый кристалл неправильной формы, оправленный в серебро. — Великие господа Холмов и Вереска, я вам не мешаю? А ну, хватит голосить!

Пикси не удостоили ее вниманием — вот еще, ради какого-то дерзкого подмышья прерывать Эпохальную Битву за Миндальное Печенье. Выдав очередной страдальческий вздох, Мэйр застегнула на шею тонкую цепочку амулета и принялась за завтрак. Терпеть Арлена Дориха в свой выходной — то еще испытание, так что не стоит делать это на голодный желудок.

И что-то — здравый смысл, конечно же, — подсказывало: лорд-канцлер будет сегодня не единственным испытанием.

\* \* \*

Прийти в себя было невыносимо трудно. Выползти из непроглядной тьмы, душной, тяжелой, в которой катастрофически не хватало воздуха; да про-

сто открыть глаза. Ясно чувствовалась только боль в правой ноге, будто из нее вырвали кусок мяса, а под спиной — что-то очень похожее на кровать, с матрасом и даже простынями. В старом лесном домике вместо постели были шкуры, оставшиеся от прежнего хозяина и перенесенные поближе к очагу. Кровать давным-давно была пущена на более полезные цели — растопку камина и латание дыр в крыше.

Точно, у него же был дом. И непрошенные гости, которых он...

Голова едва не раскололась от боли, стоило вспомнить вчерашний день. Или не вчерашний — Себастьян не был уверен. В его случае верить своим ощущениям было бы распоследней глупостью.

Разлепить глаза все же получилось. По ним тут же резанул яркий, неестественно-голубоватый свет. Он дернул руками в попытке закрыть лицо и тут же ощутил, что едва может шевелить ими. На запястьях глухо звякнули наручники, тяжелые и очень... мерзкие. Они словно забирали у него нечто важное.

Себастьян прислушался к ощущениям. Бешеная магия сейчас замерла где-то глубоко внутри, огрызалась едва слышно и очень хотела добраться до железных оков. В любое другое время он бы благодарил всех богов за избавление от проклятого дара. Сейчас же, глядя на голые каменные стены, зарешеченное окно и странную дверь из матового стекла, от которой веяло чужеродной силой, хотелось снова почувствовать свою магию. Пугающую, жуткую, ненавистную, но способную защитить.

Растерзать всех, кого он сочтет врагами.

Те, кто пришел в его дом прохладным осенним вечером, друзьями не были точно. Себастьян не успел их даже увидеть, как в голову непрекращающимся гомоном ворвались чужие голоса. Громкие, злые, они говорили о смерти, охоте, огне и тьме.

Как будто они что-то понимали в тьме.

Он хотел сбежать. Честно, хотел. Но прежде чем он успел даже подумать о задней двери, через которую можно было незаметно выйти и скрыться в чаще леса, боль в голове стала невыносимой. И Себастьян не выдержал. Он помнил, как закричал; затем магия взяла над ним верх. Сорвалась, заглушила все, загородила собой и стала избавляться от тех, кто посмел навредить ее хозяину.

«Я разберусь», — услышал он, прежде чем провалиться в темноту собственных мыслей.

Убивать тех людей Себастьян не хотел. Но у того чудовища, что жило внутри него, было другое мнение. Оно жаждало крови, хотело наблюдать, как лопаются капилляры в их глазах, как тела корчатся в предсмертных муках. Ему оставалось только смотреть и чувствовать чужое, *не свое* удовлетворение от представшего зрелища.

Чьим — его или монстра — было желание бежать, он не помнил. Скорее всего, общим. Иногда Себастьяну удавалось договориться со своей... темной стороной. Увы, идея была хуже некуда. Он не сразу понял, что бежит уже не по лесу, а по мощеной улочке, но тут чужие голоса зазвучали в голове с прежней силой. Так много и так громко, что даже

выпущенная на волю магия не смогла отгородить его от них.

Перед глазами полыхало красным, чудовище бесновалось, и теперь уже сам Себастьян желал им всем смерти. Он хотел, чтобы они все замолчали, чтобы голова перестала болеть, чтобы огонь прекратил гореть так ярко...

И все прекратилось. По ногам ударило что-то тяжелое, а в тело впились сотни ярких разноцветных искр. Тьма попыталась защититься, встать у них на пути, но истончилась под десятком вспышек, взвыла, как раненый зверь, и, словно извинившись, спряталась внутри. Что было дальше, Себастьян практически не помнил. Чувствовал, как голову сжимает невидимый обруч, сбросить который казалось необходимостью; давился страхом, слышал незнакомый мужской голос, на удивление спокойный, пытающийся в чем-то убедить. Кажется, ему это удалось — больше трупов Себастьян припомнить не мог, лишь тишину и то, что ему стало немного легче.

Для верности он снова оглядел камеру — ни тел, ни крови на полу, одни голые стены, а в качестве компании — собственная сила, скребущаяся внутри. Ей хотелось выбраться на волю. Себастьян же не мог решить, хочет ли он, чтобы у нее это получилось.

*«Иначе ты снова станешь чьим-нибудь... экспериментом»*, — напомнил внутренний голос. Ехидно, но участливо.

«Нет».

Он дернул руками в тяжелых наручниках. Замок можно открыть либо ключом, либо отмычками. Ни



того ни другого, понятное дело, нет, да Себастьян и не силен во взломе.

«Ты ни в чем не силен», — послышалось недовольное ворчание.

«Мог бы и помочь».

Смешок, раздавшийся в ушах, был слишком реальным.

Себастьян прикрыл глаза, позволяя силе перетечь в руки. Пальцы сами собой нащупали нити чужих заклинаний, переплетенные между собой причудливым узором. И знакомые. Их можно расплести; нужно только найти одну, самую главную, потянуть и разрушить магический рисунок. Ну или хотя бы ослабить действие заклинания.

«Зануда».

Терпение никогда не было добродетелью его монстра. Если подумать, у него вообще не было добродетелей. Сила рванула вперед, разрывая нити одну за другой, отчего кожу на запястьях кололо нестерпимо, в голову словно втыкали иглы.

«Терпи».

Можно подумать, у него были другие варианты. Тем более, откуда-то снаружи раздавались голоса, снова не обещающие ничего хорошего. Только неуверенное «мы попробуем», многозначительное «очень силен» и уже знакомое обещание смерти. Все это Себастьян слышал уже не раз. И никогда подобные речи не заканчивались для него хорошо.

Последняя нить заклинания лопнула как раз в тот момент, когда стеклянная дверь распахнулась. Снова стало громко, так, что захотелось зажать

уши, закрыться и спрятаться хотя бы под одеяло. Но запястья по-прежнему сдавливали наручники, да и просто двигаться было трудно из-за большой ноги.

«Я разберусь?» — поинтересовался голос.

Себастьян почувствовал себя невероятно уставшим. От борьбы с самим собой, со своей магией, с проклятыми наручниками и с чужими мыслями в голове. Они, кстати, стихли, едва закрылась дверь. Не до конца, но к шуму в ушах он успел привыкнуть и умел его игнорировать. Почти всегда.

«А если они хотят помочь?»

«Родерик тоже хотел».

Ах да, Родерик.. Тот, кто обещал помощь, но в итоге ломал его несколько месяцев, взращивая в нем монстра. Что ж, у него получилось.

«Делай что хочешь».

Монстр довольно ухмыльнулся.

Вошедшим оказался мужчина средних лет, хорошо одетый и... неправильный. Рядом с ним было тихо, будто в светловолосой голове не звучало ни одной мысли. Вместо нее — глухая стена и отголосок смутных эмоций. Себастьян посмотрел на него удивленно, монстр же разглядывал с любопытством.

— Что ж, вижу, ты пришел в себя. Это хорошо, — незнакомец махнул рукой. К нему сам собой, *по воле магии* придвинулся стул, на который тот уселся, закинув ногу на ногу. — Дурить не будешь?

Под дуростью, очевидно, подразумевалась его магия.

— Не обещаю, — с трудом откашлявшись, прохрипел Себастьян. В горло будто песка насыпали.

— Очень жаль. — В ровном голосе послышалась угроза. Монстр тут же напрягся, как и сам Себастьян — он не любил, когда ему угрожали. — Что ж, спасибо и на этом. Не делай глупостей, и все закончится мирно. Обещаю.

*«И ты ему веришь?»*

Вот уж нет. Просто немного интересно, почему рядом с этим человеком так тихо.

— Как вы это делаете?

— Что именно? — уточнил мужчина, улыбаясь так благостно, что сразу стало ясно — он прекрасно понимает, о чем речь.

Все же Себастьян, озадаченно хмурясь, пояснил:

— Вас... я не слышу. Почему?

— Ты меня не слышишь, потому что я маг-менталист — такой же, как и ты, — и способен защититься от любого ментального воздействия. А вот ты, к сожалению, не способен это воздействие контролировать. Но это не твоя вина, — заверил мужчина. — Изначально никто не способен. Этому учатся многие годы, а тебя не учили вообще ничему. Или я ошибаюсь? — Взгляд мужчины сделался неприятно-пронзительным, словно он в чем-то подозревал их с... то есть, конечно, одного Себастьяна. Монстра этот маг-менталист, несмотря на свою многомудрую физиономию, явно не замечал.

А зря. Потому что тот его как раз заметил. И очень хотел проверить, так ли хорош этот маг, как о себе мнит.

— Кое-чему научили, — вкрадчиво отозвался монстр, прежде чем Себастьян смог его остановить. — Хотите проверить?

Мужчина издевательски вскинул брови, такие же белесые, как и его зализанная шевелюра.

— Дитя мое, я ведь второе, а то и вчетверо старше тебя, — надо же, а с виду можно дать лет сорок, и то с натяжкой, — и цыплятки вроде тебя мне годятся на завтрак, обед и ужин. Не надо дергаться — прибьют махом, ты и пикнуть не успеешь.

Себастьян видел — или нет, скорее *ощущал*, — как монстр зло сощурился и принялся хищно раздувать ноздри, достаточно безумный, чтобы проверить, кто кого прибьет.

«Вечно ты не туда смотришь, олух!» — прошипели ему в самое ухо. Хотя нет, конечно, ведь у них с кровожадным засранцем на двоих одно тело и одна же пара ушей. Себастьян виновато моргнул — он и впрямь *просмотрел*, как белобрысый трепач вторгся в его сознание.

«Ты тут лишний», — уже не ему, а чужаку в его голове.

Сила затопила его полностью — густая, темная, душная, и даже те крохи человечности, которые еще оставались в самом Себастьяне, отсутствовали в ней напрочь. Незнакомо ей было понимание, а такие эмоции, как удивление и недоумение, вовсе были чужды. А у незнакомца в голове сейчас царили именно они. Ну и злость, конечно же — кому понравится, когда на тебя нападает какой-то сумасшедший?

— Прекрати! — закричал Себастьян. То ли про себя, то ли вслух — он не был уверен.

Куда там — монстру нравилось то, что он делает. Причинять боль, ломать чужое сознание и волю...

И даже то, что сейчас это не слишком получалось, его не волновало.

Лучше умереть, чем быть ничтожеством. Кажется, так Родерик говорил... Пафосный мудака.

— Послушай... послушай! — Белобрысый маг (тоже мудака, но уже не такой пафосный) уже почти орал, однако голос его доносился как сквозь толщу воды. — Послушай меня... Мы могли убить тебя еще там, в гарнизоне. Легче легкого! Но не убили. Я не наврежу тебе, я помочь хочу!

Куда там — монстр чувствовал исходящую от мага злость, Себастьян же не верил ни единому слову. Хотел бы, но слишком хорошо знал, чем это кончается. Он проваливался во тьму собственных воспоминаний, в жажду смерти и крови. Все, что он мог сказать, прежде чем утонуть во всем этом, — короткое «я не могу».

Кажется, наручники с его запястий все же сдернули, волос коснулась тяжелая рука, после чего, наконец, наступила тишина.

## Глава 2

Как и всегда, он ожидал у себя в кабинете, в закрытой от посетителей части дворца: с иголочки одетый и безукоризненно причесанный русоволосый мужчина туманных лет, с неизменными щеголеватыми усиками и бородой клинышком — что давно вышло из моды и косвенно выдавало истинный возраст молодого, приятного и вместе с тем невыразительного лица.

— Опаздываешь, Мэйраэн, — медленно проговорил лорд-канцлер, расплывшись в этой своей благостной улыбочке, после которой на многострадальную голову одного подменыша частенько сыпались неприятности.

— Не опаздываю, а задерживаюсь. — Мэйр давно усвоила, что с магами нужно держаться уверенно, фамильярно и даже нагло — кто бы знал почему, но вежливость они принимают за слабость. И все же она до сих пор чувствовала себя некомфортно, общаясь с кем-либо в подобной манере. Родители, люди интеллигентные и очень порядочные, учили ее быть вежливой со всеми и уважать старших. — Ну, Арлен, что тебе понадобилось на сей раз? Только не говори, что развлекать очередную даму в тягости: отказываться я буду долго и громко.

— Не будешь, — флегматично возразил Дорих, поднимаясь из-за стола. — Нет, дам в тягости на твою долю уже хватило. Считаю, что я вдосталь позабавился и решил занять тебя чем-то действительно важным. Идем.

— Что, и даже чаю не попьем?

— Позже, деточка. Наше дело не терпит отлагательств.

«Деточка» сердито фыркнула, но смолчала и послушно зашагала следом.

Порталом они перенеслись во внутренний двор главной городской лечебницы. Мэйр хорошо знала здешнюю обстановку, все-таки два года отработала, пока на магистра училась. И не сказать, что была рада сюда вернуться: место шумное и бестолковое, как и все подобные учреждения. Узким специ-

алистом в синтарийской лечебнице работалось не в пример спокойнее.

Дорих потащил ее во второй корпус и повел какими-то неприметными коридорами. В итоге они оказались в тесном полуподвальном помещении, где на хлипком стульчике восседал расфранченный почище лорда-канцлера здоровенный мужик. То был Вилмар Фалько, сильнейший менталист Империи и по совместительству верный цепной пес лорда-канцлера. Точнее, двух канцлеров: Фалько чуть не вдвое старше Дориха и наверх выбился еще под началом его предшественника — грозного лорда Эдриана Лейернхарта. В кулуарах до сих пор с придыханием заливались о великих деяниях «лорда-паука», в то время как Дорих не пользовался и тенью его симпатии. Мэйр особенно запомнилось высказывание командера Ларссона, мужа ее пациентки: «Лорд-паук был жуткий педант и редчайший пройдоха, но при всем при том бессребреник и отличный управленец. А этот императорский прихвостень — ну чисто уж на сковородке, вертлявый и хитрожопый. Я б такому и захудалую деревеньку не доверил, куда уж Империю-то!»

— Как поживаешь, подменьш? — спросил Фалько, продолжая глубокомысленно глазеть на прозрачную перегородку — точнее, на то, что за ней.

— Лучше всех, ваше благородие, — едко уведомила Мэйр и тоже решила поглядеть, кого это законопатили в изолятор с пятиуровневой структурой защиты.

За перегородкой обнаружился парень лет двадцати с небольшим, однако внешность магов обманчива — возраст Фалько приближался к сотне, а на

вид едва ли даже тридцать пять. Парень был симпатичный, светловолосый и худощавый. Не тощий, просто поджарый и жилистый; явно может двинуть по морде не хуже, чем какой-нибудь качок-полицейский из боевого отдела. На руках без единой защитной татуировки красовались тяжеленные антимагические наручники — похоже, парень успел здорово отличаться, если на него повесили такой подарок.

— Ого, — Мэйр насмешливо вскинула брови, — Уилл, это твой, что ли? Похож! Жена-то в курсе?

Жена лорда Фалько могла нанести радость и причинить счастье похлеще, чем взвод спецназа в полной боевой готовности. Неудивительно, что беднягу так перекосило.

— Побойся богов, бессовестная! — воскликнул Уилл. — У меня четверо детей, куда еще бастарда?

— Чего только не бывает! — протянул лорд-канцлер с самым невинным видом. — Лицом вроде похож, это и Мэйраэн заметила... Белобрысый, опять же, как оба твоих законных сынка. А если вспомнить, как он уложил треть боевого взвода, не шевельнув и пальцем, тогда тебе уже точно от родства не откреститься. Ах, бедная Рангрид!

— Бедная Рангрид? — недоверчиво переспросил Фалько и от избытка чувств подскочил на месте, едва не повалив стул. — Бедный я! Будь это мой пацан, разумеется, а он не мой.

— Ты уверен?

— Да, Арлен, чтоб тебя, я уверен!

— Довольно, милорды, флиртовать будете потом, — призвала их к порядку Мэйр. — Что толком произошло и каким местом тут замешана я?